

УДК 81 366(5)
ББК 81.112

Е.В. Краснощёков

ПОСЕССИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Высказывается предположение, что в енисейских языках существовала посессивная конструкция, которая была одним из подвидов эргативной конструкции и использовалась в переходный период перестроения языковой системы от активного строя в номинативный. В этот период в праенисейском языке существовало одновременно несколько видов предикативных конструкций одной из которых и могла быть посессивная. На данном этапе развития посессивная конструкция присутствовала в рассматриваемых языках.

Ключевые слова: *посессивность, эргативная конструкция, объектные и субъектные показатели, посессивные аффиксы, актантные спряжения.*

Краснощёков Евгений Владиславович – канд. пед. наук, доцент кафедры немецкого языка Таганрогского государственного педагогического института

Тел.: 8(863)39-37-87
8(863)61-31-61
E-mail: judgin58@mail.ru

В лингвистике существуют две основные тенденции понятия посессивности: во-первых, это понятие обладания чем-л., какой-л. собственностью, а во-вторых это понятие, в соответствии с которым посессивность охватывает практически любое отношение между субстанциями. Категория посессивности в енисейских языках выражается различными средствами: с помощью местоимений, падежей, глаголов, послелогов, а также различными конструкциями. По сути дела, все средства выражения посессивных значений распределяются между двумя сферами — группой имени и группой глагола. И в одном, и в другом случаях языковые построения соотносятся с денотативными ситуациями, в которых друг с другом связаны такие участники, как Обладатель и Обладемое. В связи с тем, что в енисейских языках нет специальных глаголов обладания, то под посессивной конструкцией в данном случае понимается модель предложения или даже языковое построение, где выражается отношение между двумя объектами, связанное с идеей обладания одного из них другим, с широким использованием притяжательных форм. Ср.:

англ. the house of Father – дом отца, The house belongs to my father;

нем. das Buch des Lehrers – книга учителя, das Buch gehört dem Lehrer;

кет. ab us'am, fiр us'aṇ 'у меня есть собака' – (us'aṇ так называемая экзистенциальная частица (Existentialpartikel) 'есть, имеется', bəp's'aṇ 'нет, не имеется'. Они

замещают отсутствующую в кетском языке связку и употребляются в конструкциях, выражающих идею обладания);

кет. *don-gu-vet* 'у тебя есть нож' – (здесь идея обладания передается с помощью аффиксов ряда *di-a* / $\square$ -*i* (соответствует немецкой фразе типа 'du bist bemessert').

В работах Г.К. Вернера отмечаются реликтовые явления в енисейских языках. По его мнению в этих (енисейских) языках «посессивная конструкция может рассматриваться как переходный этап в процессе перестройки языкового типа активной типологии в язык номинативного строя» [Вернер, 1984, с. 11].

Г.А. Климов писал, что в эргативных языках употребляются несколько видов конструкций, в том числе аффективная и посессивная [Климов, 1973].

И.М. Дьяконов также считал посессивную конструкцию одним из подвидов эргативной конструкции в протоафразийском языке [Дьяконов, с. 48].

И.А. Мельчук высказывал мнение, что посессивные конструкции лишь частный вид эргативной конструкции, которая сама «есть частный случай (синтаксической) предикативной конструкции, т.е. конструкции подлежащее – сказуемое» [Мельчук, с. 56].

Таким образом, эргативная конструкция может быть с подлежащим в специальном «эргативном» падеже (эргативе), а также в генитиве, обликвусе, инструменталисе и т.д., т.е. не в номинативе, но не в эргативе. Например:

а. лакский

Uss +il 1u + ∅ b +ukka +j
 брат [ГЕН] книга (Ш) НОМ Ш читать 3
 'Брат книгу читает'.

б. пушту

Ma makā1a + ∅ likel + a
 Я- [ОБЛ] статья (ЖЕН) ЕД. НОМ писал ЖЕН.3 ЕД
 'Я статью писал'.

с. чукотский

Tumg + e ɲew? + ən jara+k pela + ∅ + nen
 друг [ИНСТР] жена НОМ дом ЛОК оставлять АОР 3
 ЕД.Суб-3 ЕД.Объ
 'Друг жену дома оставил' [Мельчук, с. 59]

Следует отметить, что порядок членов предложения посессивной конструкции, как правило, повторяет схему словопорядка эргативной с тем отличием, что в них не заполнена позиция прямого дополнения. Таким образом, имеются основания прийти к заключению, что единая схема $S - O - V$ является более или менее характерной для всех моделей предложения эргативной типологии:

$S - O' - V_{trans}$
 $S - (O'') - V_{intrans}$

$S - O'' - V_{\text{affect}}$
 $S - O'' - V_{\text{poss}}$
 [Климов, 1973, с. 94]

Американский лингвист Э. Вайда также разделяет точку зрения Г.К. Вернера о том, что язык кетов – это язык переходного типа и отмечает в нем присутствие нескольких видов атрибутивных конструкций, в том числе номинативных и эргативных. Он выделяет в кетском языке два главных, продуктивных актантных спряжения: активное спряжение и эргативное спряжение и еще три, менее продуктивных, актантных спряжения, и среди них посессивное.

По его мнению, более чем половина глагольных лексем в современном кетском языке отвечает характеристикам эргативного строя [Вайда, с. 27].

Перестройка типологии предложения – это только одна из сторон значительно более широкого процесса эволюции языковой системы.

Между тем, если учесть весь комплекс других параллельно протекающих в структуре языка изменений, то, по-видимому, становится возможным увидеть стоящие за ними глубинные движущие силы содержательного порядка. Процесс преобразования активного строя языка как некоторой целостной системы структурных координат в строй эргативный параллельно реализуется на разных уровнях языковой структуры. Так, на уровне лексики этот процесс характеризуется не только сменой профилирующего принципа лексикализации глагольных слов (переход от противопоставления активных и стативных глаголов к оппозиции транзитивных и интранзитивных), но и постепенной деградацией лексических классов имен существительных, отражающих признак активности («одушевленности») – инактивности («неодушевленности») обозначаемых денотатов; последовательной утратой целого ряда более частных лексических импликаций и фреквенталий активного строя (например, различия указательных, вопросительных и других местоимений по их соотношенности с классами «одушевленных» и «неодушевленных» реалий, корреляции инклюзивного и эксклюзивного местоимения 1-го лица мн. числа); становлением ряда глагольных лексем, специально ориентированных на передачу субъектно-объектных отношений (например, *verba habendi*). На синтаксическом уровне, наряду с преобразованием типологии предложения, этот процесс предполагает в инвентаре его членов дифференциацию прямого и косвенного дополнения со строгой приглагольной позицией первого. Наконец, он находит выражение и в существенном преобразовании морфологической системы языка: например, в парадигме именного склонения корреляция активного и инактивного падежей сменяется корреляцией эргативного и абсолютного; начинают формироваться такие уже специально ориентированные на передачу субъектно-объектных отношений падежи, как родительный и дательный; в глагольном спряжении классно-личные аффиксы активной и инактивной серий преобразуются соответственно в личные аф-

фиксы эргативного и абсолютного рядов; снимается диатеза центробежной и центростремительной форм глагола и т. д.

Подобные изменения наблюдаются и в кетском языке. Здесь следует различать скорее переходные и непереходные парадигмы спряжения глаголов, а не *verba transitiva/ intransitiva*, как таковые. Одна из типологических особенностей кетской падежной системы состоит в том, что падежи субъекта и прямого объекта на уровне выражения совпадают в форме абсолютива, но на синтаксическом уровне они четко противопоставлены друг другу, ср.: *de'ŋ ass'en dejanol'betin* 'люди убивали зверей', но: *ass'en de'ŋ dejanol'betin* 'звери убивали людей'. Разница заключается, таким образом, в порядке слов: *S-O-V*, который соответствует, как правило, порядку следования аффиксов субъекта и объекта в формах глагола, например: *d-in'-gu-tet* 'я тебя побил', но: *k-in'-di-tet* 'ты меня побил' (*d/di u k/gu* – показатели соответственно 1-го и 2-го лица).

Кетский язык на синхронном уровне относят к номинативно-аккузативному строю, причём кетский глагол имеет весьма сложную систему актантных аффиксов, подразделённых К. Боудой на группы *B* и *D*. Каждая из этих групп, в свою очередь, подразделяется на ряды. Такое обилие рядов показателей субъекта и объекта в структуре кетского глагола объясняется разными этапами их утверждения.

Использование в кетском и югском языках одних и тех же показателей группы *D*, восходящих исторически к форме основного падежа личных местоимений, в качестве субъектных у глаголов непереходной семантики и в качестве объектных (в 1-м лице ед. числа и в 3-м лице ед. числа вещного класса) у глаголов переходной семантики напоминает ситуацию в эргативных абхазском и абазинском языках.

Грамматические показатели имени и глагола в кетском языке обнаруживают генетическое родство. Глагольные показатели группы *D*, которые могут быть возведены к форме абсолютного падежа личных местоимений, совпадают с предикативными аффиксами имен, т.е. с аффиксами, оформляющими лексемы состояния субъекта действия, ср.: югск.

<i>ah tadi</i> 'я хороший',	<i>di:fuŋ</i> 'я стою'
<i>ah taŋu</i> 'ты хороший'	<i>ku:fuŋ</i> 'ты стоишь'
<i>ah tadi</i> 'он хороший'	<i>du:fuŋ</i> 'он стоит'
<i>ah tada</i> 'она хорошая'	<i>da:fuŋ</i> 'она стоит'

[Поленова, 2011, с.135 –136]

Интересны примеры замены личных префиксов группы *D* предикативными суффиксами: югск. *cajgagu* 'ты ходишь', *cajgadu* 'он ходит' [Дульзон, с. 350].

По материалам А. Кастрена, предикативное оформление получали не только имена прилагательные, числительные, атрибутивные местоимения и наречия, но и имена существительные (ср. югск. *ubdi* 'я отец', *upku* 'ты отец', *ubdu* 'он отец' и т. д. котт. *aipistaŋ* 'я старец', *aipicu* 'ты старец', *aipistu* 'он старец' и т.п. [Castrén, с.103, 142], В связи с этим можно сделать вывод, что в енисейском языке слово, выражавшее состоя-

ние субъекта, независимо от принадлежности к той или иной части речи оформлялось одними и теми же показателями. Типологические параллели наблюдаются как в древних, так и в современных языках разных генетических групп.

Глагольные показатели группы *B* в кетском языке совпадают с аффиксами родительного падежа местоимений и имени, ср.: *ablaba* 'мой' (родит. п. *a-ba* от *at/ad* 'я'); *uk/uga (ugu)* 'твой' (родит. п. *u-gu<uku* от *u* 'ты'); *buda* 'его' (родит. п. *bu-da<bu-d-a* от *bu* 'он'), *budi* 'её' (родит. п. *bu-di < bu-d- u* от *bu* 'она') и показатели группы *B* (ед. ч.): 1-е л. *ba-*, 2-е л. *ku-*, 3-е л. м. р. *-a*, ж. р. *-i*. Это совпадение позволило сделать вывод о едином происхождении показателей группы *B*, а именно, что они генетически являются местоименными показателями субъекта действия при активном глаголе [Вернер, 1974, с. 41].

В языках активного строя Г.А. Климов отмечает тождественность притяжательных аффиксов органической принадлежности с глагольными показателями инактивной серии [Климов, 1977, с. 149].

Черты близости имени и глагола демонстрируют формы кетского инфинитива, способные употребляться в функции прилагательного, предикативного или атрибутивного [Дульзон, с.484]. Лично-объектное отношение действия часто выражается посредством посессивных аффиксов, энклитически присоединенных к инфинитиву [Там же, с. 464].

И ещё одно: «ни у кетского имени, ни у глагола нет специальных показателей (суффиксов), которые сигнализировали бы их категориальную принадлежность» [Там же, с. 586].

Таким образом, первичное енисейское сказуемое не было глаголом, оно выражало состояние субъекта с помощью предикативных показателей, а активное действие путем присоединения притяжательных приставок. Посессивные аффиксы с развитием грамматического строя языка стали при именах обозначать принадлежность, а при глаголах — лицо субъекта, совершающего действие, и объекта, на который данное действие направлено. Те и другие форманты местоименного происхождения [Поленова, 2011, с. 43–44].

Показатели ряда *D* выражают то же взаимоотношение, для которого при наличии склонения был бы использован именительный падеж. Сравним данные адыгских, а также картвельских и других иберийско-кавказских языков, где именительный падеж является именно падежом прямого объекта при переходных глаголах и падежом субъекта при непереходных глаголах. В данном случае сравнение правомерно, поскольку типологическая близость енисейских и кавказских языков достаточно обоснована как в синхронном, так и диахронном плане [Старостин, с. 144–237, Малолетко, с. 282–285, Поленова, 2002, с. 154–163].

В картвельских языках имеется две конструкции предложения: номинативная (настоящее время и производные от него) и эргативная (аористная и результативная группы времен). В грузинском языке в предложении с непереходным глаголом субъект ставится всегда в том же падеже, что и действующее лицо при переходном глаголе в настоящем

и производном от него временах. Ср.: *kav-i dadis* ‘человек ходит’; *kav-i auieneb-s saql-sa* ‘человек строит дом’ [Мещанинов, с. 229]. Глагол в обоих случаях согласуется с субъектом своим окончанием 3-го л. -s.

В аористной группе времен падежи действующих лиц при непереходных и переходных глаголах различны.

При непереходном глаголе в этих временах подлежащее стоит в именительном падеже, а при переходном – в эргативном: *kav-man* ‘человеком’ – *kav-ma aashen-a saql - I* ‘человек выстроил дом’ [Поленова, 2011, с. 143]. Дополнение стоит в именительном падеже, т.е. как и субъект непереходных глаголов. Таким образом, грузинский глагол, как и енисейский, характеризуется субъектно-объектным личным спряжением.

В кетском языке показатели субъекта непереходного глагола обычно также совпадают с показателями прямого объекта переходного глагола. Ср.: *dej-bagəbetin* ‘(они меня) убивают’ – *batoq* ‘я становлюсь’; *dejkugubetin* ‘(они тебя) убивают’ – *kutoq* ‘ты становишься’.

Более последовательное развитие посессивная конструкция предложения получила в коттском языке [Вернер, 1990].

Сравнение показателя *η* в примерах типа *η-aiteän* ‘я –хочу’ (‘мое желание’) с субъектным показателем *-η* для 1-го лица ед. числа в структуре глагольных словоформ (*ajəŋa:kŋ* ‘играю-я’) у М.А. Кастрена позволяет предположить в кетском, югском и коттском аналогичное состояние с той, однако, разницей, что вместо показателя 1-го лица ед. числа *b-* в кетском и югском, в коттском выступает *η-*, а во-вторых, в глагольных словоформах *-η* в отличие от *b-*, выступая в субъектной функции, суффиксируется к глагольной словоформе, а не префиксируется как в югском и коттском языках [Вернер, 1990, с. 224]. Коттский язык обнаруживает следующую особенность: во всех случаях коттские глагольные словоформы оформляется показателями серии *B*, как в субъектном, так и в объектном рядах. Только в некоторых случаях субъектные суффиксы серии *B* дублируются другими субъектными префиксами или инфиксами, видимо, серии *D*: *i-t^hak-η* ‘я-прыгаю-я’, *i-t^hak-u* ‘ты-прыгаешь-ты’, *di^ha:tax-* ‘он-прыгает-он’, *on-thagan-ton* ‘мы-прыгаем-мы’, *on-t^hagan-on* < *on-t^hagan-on* ‘вы-прыгаете-вы’, *d^ha:n-t^hax-* < *d^ha:η-thax-* ‘они-прыгают’ и’ т.д. (в 3-м лице, очевидно, представлены в препозиции показатели *D* и *B*, т.е. *d^h+* *a:* для формы ед. числа и *d^h+* *a:n* для формы мн. числа).

Условиям посессивной (т.е. особой эргативной) конструкции предложения полностью соответствуют коттские формы типа *bagi : taŋ* ‘это-ищу-я’, *baga : kŋ* ‘это-держу-я’, *barukŋ* ‘это-найду-я’, *bariŋaŋ* ‘это-тяну-я’, *barajaŋ* ‘это-делаю-я’, *base:raŋ* ‘это-скорблю-я’ и т.д., которые нашли в коттском языке, как можно судить по данным М.А. Кастрена, самое широкое распространение и которые точно соответствуют югским формам типа *baxibdep-* ‘я-ношу-это’.

Такая интерпретация данных коттских словоформ обосновывается тем, что в них в качестве субъектных выступают показатели серии *B*, полностью совпадающие с формантом родительного падежа, и, следовательно, восходящие к формам родительного (resp. эргативного) падежа

соответствующих личных местоимений, а в качестве объектного выступает показатель вещного класса *b-ba* – (соответствует кетско-югскому показателю *-b-v-p-*), который входит в серию показателей *D*, восходящих к форме основного падежа личных местоимений.

Относительно коттского языка можно добавить, что на более древних стадиях развития языка действительно нормативными были конструкции типа кет. *ob da hi²b* ‘отец-его-сын’ [Топоров, Цивьян, с. 244; Вернер, 1984, с. 16], из которых впоследствии развились соответствующие генитивные и посессивные конструкции: ср. кет. *iqGus'-t l'amel'* ‘дверь дома’, *at dil'gatbajavet* – я имею детей (т.е.: я – с детьми), *s'ul'-ba-j-bat* ‘нарту-я-имею’.

Таким образом, принимая во внимание все вышеизложенное, можно допустить возможность существования посессивной конструкции еще в праенисейском языке.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы по кетскому языку:

- порядок слов в предложении посессивной конструкции идентичен схеме предложения эргативной конструкции;
- существует посессивное актантное спряжение;
- глагольные показатели группы В совпадают с аффиксами родительного падежа местоимений и имени.

С изменением грамматического строя языка посессивные аффиксы стали при именах обозначать принадлежность, а при глаголах – лицо субъекта, совершающего действие, и объекта, на который данное действие направлено.

Показатели серии В, восходящие к формам родительного падежа соответствующих личных местоимений, выступают в качестве субъектных, а показатель вещного класса *b-ba* – серии *D*, восходящей к форме основного падежа личных местоимений, выступает в качестве объектного.

Таким образом можно утверждать, что в период перестройки из активного строя в номинативный енисейские языки, в частности кетский и, в большей степени, коттский прошли стадию развития посессивного строя, возможно, в рамках эргативного строя.

Литература

- Вайда Э. Актантные спряжения в кетском языке // ВЯ. 2000. № 3.
 Вернер Г.К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // ВЯ. 1974. № 1.
 Вернер Г.К. К типологической характеристике енисейских языков // Проблемы типологии и контрастивного описания языков. Новосибирск, 1984.
 Вернер Г.К. Коттский язык. Ростов н/Д., 1990.
 Дульзон А.П. Кетский язык. Томск, 1968.
 Дьяконов И.М. Проблемы протоафразийской глагольной системы // Материалы конф. по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12-14 декабря). М., 1972.

-
- Климов Г.А.* Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
- Климов Г.А.* Типология языков активного строя. М., 1977.
- Малолетко А.М.* Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 2: Кеты. Томск, 2000.
- Мельчук И.А.* Еще раз к вопросу об эргативной конструкции // ВЯ. 1991. № 4.
- Мещанинов И.И.* Проблемы развития языка. Л., 1975.
- Поленова Г.Т.* Происхождение грамматических категорий глагола. Таганрог, 2002.
- Поленова Г.Т.* В поисках истоков языка. // *Поленова Г.Т.* Избр. тр. Таганрог, 2011.
- Старостин С.А.* Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сб. Лингвистика. Л., 1982.
- Топоров В.Н., Цивьян Т.В.* Об изучении имени в кетском (некоторые результаты и перспективы) // Кетский сб. Лингвистика. М., 1968.
- Castrén M.A.* Versuch einer Jenissei-Ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen. St. Petersburg. Buchdruckerei der Keiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1858.